

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНИХ РЕЛИГИЙ В «СЕМИРАМИДЕ» А.С. ХОМЯКОВА (НА ПРИМЕРЕ ДРЕВНЕКИТАЙСКИХ РЕЛИГИЙ)

Н. Н. Михайлюкова

*Тульский
государственный
педагогический
университет
им. Л.Н. Толстого*

В статье рассматриваются оригинальные взгляды А. Хомякова на происхождение и сущность западных религий. В своей историко-софской концепции Хомяков развивает типологию религий, основанную на двух культурно-этических принципах: «иранство» и «кушитство», которые характеризуются соответственно идеями моральной свободы и естественной необходимости. Важно, что Хомяков относит религии Индии и Китая к «кушитскому» типу. Единственным исключением является древняя «ведическая» религия – брахманизм. В то же время Хомяков полагает, что религии развиваются вследствие постоянной борьбы и взаимодействия между элементами «иранства» и «кушитства». Буддизм трактуется Хомяковым наиболее оригинальным образом. Парадоксально, что буддизм, будучи духовно-моральной религией, понимается Хомяковым как типичный пример «кушитства». Однако в своих трудах Хомяков пишет о двух типах буддизма: «древний» буддизм («прото-буддизм») и реформированный или индийский буддизм. В этой связи Хомяков выдвигает странную гипотезу об африканском происхождении буддизма. Он показывает также буддизм и «шиваизм» как две стороны ранее единого африканского культа некоторых египетских и эфиопских религий. Несмотря на то, что по Хомякову буддизм являлся тайной верой шиванских священников, реформа Шакаямуни открыла дух «иранства», возвращение к моральным принципам веры.

Ключевые слова: сущность восточных религий, историко-софская концепция, типология религий, «иранство», «кушитство», «шиваизм», брахманизм, буддизм.

А.С. Хомяков является автором оригинальной типологии религий, которая, по его словам, «определяется не числом богов, не обрядами богослужения, не категориями ума, но исключительно категориями воли», главными из которых являются понятия свободы и необходимости. На основании данного критерия Хомяков выделяет два основных типа религий, которые он обозначает понятиями «иранства» и «кушитства». Первый тип, базирующийся на племенном начале иранства, характеризуется свободой божественного творения и соответственно, свободой веры; второй тип, основанный на племенном начале «кушитства» (от библейского обозначения древнеэфиопского царства Куш), отличается необходимостью богопоклонения и фетишизмом веры. Различие между «иранством» и «кушитством» обнаруживается:

- а) на уровне первичного принципа бытия: свобода творения в «иранстве» и необходимость рождения в «кушитстве»;
- б) на уровне материальных культур («земледельческий» тип культуры «иранства» и «завоевательный» тип культуры «кушитства»);
- в) на уровне духовных культур («изящные» искусства «иранства» – литература и музыка, и «материальные» искусства «кушитства» – зодчество и живопись);
- г) на уровне метода знания: интуитивно-художественный и синтетический метод познания в «иранстве» и рационально-аналитический метод в «кушитстве»;
- д) на уровне культурной символики: символ «змеи» в «кушитстве» и символика змеборчества в «иранстве»;
- е) на уровне вероучения: свободный, нравственный дух «иранства» и догматический дух «кушитства».

На основании данных признаков Хомяков классифицирует различные религии мира, относя их соответственно к типу «иранства» или к типу «кушитства». Следует сразу же подчеркнуть, что почти все восточные религии (религии Индии, Китая и Японии) Хомяков относит к «кушитскому» началу. Исключение составляет только исконно «ведиче-

ская» религия – брахманизм. По Хомякову, Брахма есть «свободно творящий дух», в котором «всебожие» не уничтожает личного самосознания, и «заключая в себе всю полноту бытия, он не перестает быть живым и вольным творцом и началом добра»¹.

При этом следует учитывать, что Хомяков рассматривает развитие религий как постоянное противоборство и взаимодействие элементов «иранства» и «кушитства». «Несмотря на неизбежное торжество учения кушитского и на постоянное падение иранства, – пишет он, – чувство нравственное никогда не могло утратить свои права на человеческую душу, и во всех народах восставали богоизбранные люди, повсеместно призывающие своих братьев к сознанию коренной свободы и проистекающего из нее понятие о добре. От их появления зависели эпохи религиозных реформ»².

Наиболее оригинальной интерпретации Хомяков подвергает буддийскую религию. На первый взгляд, кажется парадоксальным, что буддизм, не смотря на то, что он пронизан принципами духовной и нравственной свободы, выступает у Хомякова непосредственным и типичным выражением «кушитства». Однако в концепции Хомякова речь идет фактически о двух видах буддизма: «первобытном» буддизме («протобуддизме») и реформированном, или собственно индийском буддизме. В связи с этим Хомяков выдвигает удивительную гипотезу об *африканском происхождении* буддизма. Характерно, что он рассматривает при этом буддизм в паре с «шиваизмом», предполагая, что они являются двумя сторонами некогда единого африканского культа некоей эзотерической религии Египта и Эфиопии. Думается, что эту гипотезу вполне бы поддержали теософы, которые в лице Е.П. Блаватской и А.П. Синнета, пытались сделать буддизм эзотерической основой единой религии. Обращает на себя внимание и тот факт, что, согласно эзотерической традиции, именно на территории Эфиопии располагалась некогда метрополия черной расы³. В этой связи можно сделать предположение о том, что Хомяков, глубоко завуалировавший и зашифровавший библиографические источники своего историсофского труда, опирался на оккультно-эзотерическую традицию знаний.

Следует подчеркнуть, что во времена Хомякова еще не были открыты цивилизации Хараппы и Мохенджо-Дара, что во многом побудило его искать расовые корни буддизма в черной Африке. Но именно в Хараппе была найдена фигура божества, сидящего в характерной «позе совершенства» (сиддхасана) и названного Протошивой⁴.

Склонность буддизма переходить в самую грубую вещественность, отмечает Хомяков, приводит к предположению, что буддизм явился основанием той тайной мудрости Египта и Эфиопии, о которой древние так много говорили. Шиваизм же, по мысли Хомякова, был своего рода законом народа, экзотерическим культом. В том же порядке и с тем же значением они появились и в Индустане, но при встрече с брахманизмом возникло противоборство, следствием которого стало привитие шиваизма к брахманизму и изгнание буддизма. После долгой борьбы, полагает Хомяков, вещественность и духовность могли бы слиться, но два учения, в равной мере отвлеченные и столь же гордые своей отвлеченностью, равно принадлежащие высшим сословиям, но совершенно противоположные по своим коренным началам, не могли ужиться рядом.

Согласно Хомякову, те фактические признаки, которые явно указывают на африканское происхождение шиваизма, относятся и к буддизму; таковы: «пещерное служение, при отсутствии троглодитского быта в Индустане; постепенное развитие зодчества от берегов внутрь земли, присутствие на памятниках эмблем и изображений чуждых южному Индустану и принадлежащих по преимуществу Африке; совершенное разногласие типа религиозного, высказанного памятниками зодческими, с типом, выраженным памятниками словесности санскритской, и, наконец, коренное различие между умственными и телесными физиономиями двух племен, северного и южного, из которых одно увековечило свою страну трудом словесным и письменным, другое торжеством над твердостью гранита и порфира»⁵.

Весьма любопытным представляется «физиогномический» аргумент Хомякова. Вся наружность буддических кумиров, замечает он, (слегка приплюснутый нос, толстые

¹ Хомяков А.С. Сочинения в двух томах. Том 1. Работы по историсофии. – М, 1994. С. 200.

² Там же. С. 278.

³ См.: Д Альвейдер Сент-Ив, Генон Р. Оракулы Великой Тайны. Между Шамбалой и Агартой. – М, 2005. С. 18.

⁴ См.: Торчинов Е.А. Религии мира: Опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. – 4-е изд. СПб, 2005. С. 262.

⁵ Хомяков А.С. Указ.соч. С. 182-183.

губы и добродушный вид, оттопыренные и оттянутые уши, курчавые и плотно к голове прилегшие волосы и т.п.), напоминает, а иногда живо представляет тип негритянский, хотя и не в уродливой резкости, но в какой-то «общечеловеческой идеализации».

Заслуживает внимания наблюдение Хомякова, согласно которому египетский Сфинкс являет нам те же черты, тот же оклад лица, толстые губы, приплюснутый нос, что и Будда, а особенно тот же кротко добродушный вид и то же неподражаемое выражение любви или, по крайней мере, благоволения ко всем. Взглянув на Будду или Сфинкса, иронизирует Хомяков, вспоминаешь «праведных эфиопов Гомера и Садика, праведного брата Мизраимова».

Вместе с тем Хомяков подчеркивает, что «индийский» буддизм не представляет того чисто африканского характера, который так явен в шиваизме и что он не связан с Африкою, подобно шиваизму, непрерывною цепью имен племен, областей или городов. Однако Хомяков, как блестящий знаток экзотических языков (известно, например, что он составлял один из первых санскритско-русских словарей), подметил, что в эфиопском языке встречается несомненное доказательство древнего служения Будде в имени колдунов (*буда* на языке амгара).

Хотя буддизм, по мысли Хомякова, являлся таинственной верою шиваитских жрецов и истекал из одного источника с поклонением Шиве, то есть природе вещественной, фактически эра буддизма или реформа Шакья-Муни должна считаться явлением *духа иранского*. Хомяков полагает, что реформированный буддизм, подобно христианскому протестантизму, связан, с одной стороны, с буддизмом «первобытным», а, с другой, существенно отличается от него, поскольку разорвал свой союз с шиваизмом, хотя и не мог расторгнуть коренной логической связи. Реформированный буддизм сохранил первое основание кушитского начала: признание всемогущей необходимости; но он в то же время объявил ему войну, приняв от иранства поклонение духу. «Таким образом, – подытоживает Хомяков, – составила чудная религия: служение духу, признанному за бессильного, служение ему в самом его бессилии. Жалкая вера, без смысла и основания, но великолепно свидетельствующая о достоинстве души человеческой и о высоконравственном величии реформатора, Шакья-Муни»⁶.

Данный вывод Хомякова в целом находится в русле оценок современных исследователей буддизма, которые считают, что буддизм освободил фундаментальные ценности индийской духовной культуры от ритуалистически-обрядовых напластований. «Именно из буддизма, – пишет Е.А. Торчинов, – новые ценности возвращаются в зачавшее их лоно, трансформируя и преображая его. Поэтому как бы не сопротивлялась брахманская ортодоксия влиянию буддизма, постбуддийский индуизм в аспекте его ценностных ориентаций и морально-нравственных норм – наполовину (или даже более) буддизм. Конечно, влияние было обоюдным, взаимным, но влияние буддизма на индуизм оказалось более действенным и в значительной степени трансформировало сам этос и тип индийской цивилизации, сделав ее более интровертивной, созерцательной и психологически ориентированной»⁷.

Это суждение вполне коррелирует с хомяковской идеей взаимовлияния и взаимодействия «иранства» и «кушитства» и с признанием морально-реформаторского духа «индийского» буддизма.

Таким образом, А.С. Хомяков является создателем оригинальной религиоведческой системы, в основе которой лежит получивший широкую известность дихотомический принцип «иранство – кушитство», позволяющий классифицировать различные виды религии с точки зрения проявления в них «духовного поклонения свободно творящему духу», что ведет ведущего к «первобытному, высокому единобожию» («иранство»), или «поклонения царствующему веществу» и «рабствующему духу» («кушитство»), червато, как правило, многобожием. Данная классификация не является жесткой и однозначной. Фактически действующие религии представляют собой смешение и симбиоз двух начал и порождены их столкновением, противоборством и синкретизмом.

Однако, несмотря на это смешение, коренная основа веры («иранство» или «кушитство») доминирует в той или иной конкретной религии. Основными признаками этой доминанты, как мы показали выше, являются поклонение свободе или необходимости; косвенные же выражаются в общем характере просвещения. Согласно Хомякову, с

⁶ Там же. С. 280.

⁷ Торчинов Е.А. Указ соч. С. 267.

одной стороны, это словесность культуры, «гласовость» письменности, общинность жизни, духовность молитвы и «бестелесность» обряда погребения (например, предание тела огню) в иранстве; с другой – вещественность культуры, символичность письменности, государственность, магичность молитвы и телесность обряда погребения (например, мумификация тел) в кушитстве. Еще одним существенным символически-образным признаком является культ змеи или дракона (змеепоклонство) в религиях кушитского типа и змееборство в иранских религиях. В рамках данной типологии Хомяков попытался выявить, описать и проанализировать различные виды религий, начиная с архаических культов и религий древних культур и заканчивая национальными и мировыми религиями.

Весьма важное место в системе религий мира Хомяков отводит древнекитайскому типу религиозности. Характерно, что Хомяков предпочитает говорить не столько о конкретных религиях Китая, сколько о китайском типе религиозности в целом. Причины этого станут ясны ниже. Причины данного явления мы постараемся прояснить ниже. В нашем докладе мы ставим задачу Задача данного исследования – рассмотреть концепцию древнекитайской религиозности, а также метод ее реконструкции (описания и анализа) в религиозоведческих построениях Хомякова.

Следует заметить, что Хомяков работал над «Семирамидой» в 1830 – 1850-е гг. XIX века, в период, когда европейская культура была знакома с древнекитайской религиозностью в основном по миссионерским отчетам. Будучи знатоком ряда европейских и восточных языков (в том числе, санскрита), Хомяков не владел китайским и вынужден был опираться в своих исследованиях в основном на переводные источники, филологический уровень которых явно не соответствовал тем герменевтико-лингвистическим задачам, которые он ставил перед собой Хомяков. Исключение здесь составляли труды известного отечественного миссионера и китаевода о. Иакинфа (Н.Я. Бичурина). Так, в переводе о. Иакинфа на русском языке вышло «Сань-цзы-цзин, или Троеслово с китайским текстом» (1829) т. е. поучения из трех слов, написанные в Китае в XIII в., своего рода энциклопедия для юношества, содержащая нравоучения официального конфуцианского толка. К нему изданию прилагались предисловие и комментарии автора перевода, а также литографированный китайский текст, выполненный П.Л. Шиллингом. По всей вероятности, Хомякову были известны труды о. Иакинфа по общей истории и культуре Китая⁸.

Сравнивая тексты, мы пришли к выводу, что Хомяков вряд ли пользовался другими русскими переводными изданиями с китайского и маньчжурского языков, вышедшими к тому времени⁹. Очевидно, что он опирался на английские и французские переводы с китайского. К настоящему времени, по мнению хомяковедов исследователей, занимающихся изучением творчества Хомякова, библиографическая составляющая его историко-религиозного труда Хомякова не поддается расшифровке¹⁰. Это относится и к его китайским источникам. Случайно, в самом тексте «Семирамиды» Хомяков ссылается лишь на одну из работ, причем в урезанную виде¹¹.

В связи с этим в своем понимании древнекитайской религиозности Хомяков вынужден был основываться на общекультурных характеристиках древнекитайской духовности, но главным образом – на декларируемом им методе *художественной интуиции* или «поэтическом инстинкте», суть которого заключается в целостном духовном видении конкретных религиозных фактов, «внутреннем чутье религиозной истины».

В целом метод поэтико-инстинктивного воссоздания веры является своеобразной разновидностью *герменевтического подхода к религии*, предполагающего искусство понимания чужого типа религиозности и вживания в него. Вот как сам Хомяков образно характеризует свой метод¹². Если это цитата, оформите соответствующим образом и по-

⁸ См.: о. Иакинф Бичурин. Статистическое описание Китайской империи. СПб., 1842; о. Иакинф Бичурин. Китай в гражданском и нравственном состоянии. Ч. I. СПб. 1848.

⁹ См., например: Китайские мысли. Пер. с манчж. на рус. яз. А. Леонтьев. СПб.: При Имп. Акад. Наук, 1775; Китайский мудрец, или Наука жить благополучно в обществе. С кит на англ., потом на фр., а с сего на рос. яз. пер. В. Рубан. СПб., 1773; Сы Шу Ген, то есть [Четыре книги с толкованиями]. Пер. с кит. и манч. А. Леонтьев. СПб., При Имп. Акад. Наук: Кн. 1. Философа Конфуциуса (Да хю, то есть Учение великое), 1780; Кн. 2. Джун юн, то есть Закон непреложный. Из преданий китайского философа Дун Дзы, 1784.

¹⁰ См.: Кошелев В. А. Парадоксы Хомякова // Хомяков А.С. Сочинения в двух томах. Т. I. Работы по историософии. М., 1994. С. 14.

¹¹ Pauthier, Confucius. 67, 5. Без выходных данных.

¹² См.: Хомяков А.С. Сочинения в двух томах. Т. I. С. 42.

ставьте ссылку. В лицах людей сходство проявляется не чертами, рассмотренными порознь, но общим характером и внутренним духом: не похожи ни глаза, ни нос, а сходство разительно. Так и в религиях. Не стоит вдаваться в детальный анализ культа, вероучения и т. п.; следует воспринимать религиозность на уровне характера, общего духа народа.

Такое восприятие, полагает Хомяков, нередко ясное для художника и вообще для человека, «живущего в простоте истины», ускользает от кропотливого ученого, «натрудившего рассудок над мелочным трудом сравнительной критики». Так, например, в синкретизме индийских религий, «в этом чудном смешении детской фантазии и старческой мудрости», трудно полагать границы, отыскивать начальные стихии или исследовать каждый элемент обрядности в отдельности. Однако художественная интуиция говорит нам о том, что «разумный характер Брахмы, его бестелесное поклонение, его высоконравственный образ свидетельствуют ясно о пришествии с северо-востока, от высоких равнин Бактрии, точно также как в изображении Шивы, в его неистовой религии дышат все бешеное сладострастие и кровожадность Африки, и все буйство восторженного наслаждения вещественною жизнью, переходящего иногда в одурение созерцательной смерти»¹³.

Данный подход Хомяков применяет в целом и для описания древнекитайской религиозности. Выводы, к которым он приходит, можно суммировать в следующих тезисах.

1) Изначально китайская религия была монотеистической (идея прамонотеизма)¹⁴, и, следовательно, чисто «иранской». Объектом поклонения было Небо («Тианг» в транскрипции Хомякова) в его духовно-космической целостности. При этом Хомяков настолько высоко ценит (и во многом переоценивает) китайский прамонотеизм, что считает его самым чистым, беспримесным, лишенным каких-либо элементов «вещественной» веры. Он считает, что «Зендавеста, пишет он, признает уже в Иране другую религию, религию, поклоняющуюся Дэвам. Моздаизм возрастает против современного ему идолопоклонства. Древнейшая редакция Вед, бесспорно, не древнее храмов многобожия. Один Китай не представляет в своих преданиях никакого ясного показания о вере грубой и унижительной для достоинства человеческого. «Тианг» (небо) представляется в них единственным предметом обожания. Если бы колосс Восточной Азии не имел никакого другого достоинства, он уже, поэтому заслужил бы свою сорокавековую древность»¹⁵.

Современные европейские (и отечественные) интерпретации китайского понятия-символа «Тянь» (неба) несколько отличаются от «хомяковских». Принято считать, что культ Неба, как некоего высшего начала, руководящего всем, что происходит на земле, постепенно складывается в Древнем Китае в эпоху Чжоу (XI – III вв. до н. э.). При этом вначале (что нашло отражение в этимологии иероглифа «тянь», восходящего к рисунку небосвода) формируется естественное представление о Небе как небесной тверди; а затем уже как о верховном духе, высочайшем правителе, стоящем во главе иерархически организованного сонма духов¹⁶. Кроме того, небо рассматривается в неразрывном поляризованном единстве с землей, что в значительной степени придает древнекитайскому монотеизму «вещественность» и «государственность» веры.

Однако этот момент Хомяков вполне учитывал, рассматривая его как «мнимый дуализм». «Дуализм полярный в Китае есть только дуализм мнимый. Земля перед Небом совершенно ничтожна, и это доказывается бесспорно тем, что издревле император одному себе предоставляет право жертвоприношения Небу. Владыка всех людей, он один достоин поклоняться владыке мира. Китаец, – делает отсюда вывод Хомяков, – есть древний однобожник, так же как иранец»¹⁷.

Но, пожалуй, наиболее ценным прозрением Хомякова, подтверждающим действительность его метода «поэтического инстинкта», явилась мысль о том, что духовность древнекитайского представления о Небе имеет северо-западные, «иранские» корни. Как считают современные синологи, не исключено, что представление о Небе как высшей и единой божественной силе сначала возникло среди северных и северо-западных кочев-

¹³ Хомяков А. С. Ук. соч. С. 42.

¹⁴ Кажется, никто еще не обратил внимания, что Хомяков, в известной мере следуя за Шеллингом, был провозвестником идеи прамонотеизма в европейском религиоведении, опередив на полвека Э. Лэнга и В. Шмидта. «Нет ни малейшего повода предполагать, писал он, что понятия о вере шли, совершенствуясь постоянно, и, следовательно, нет ни малейшего права считать, что древнейшие формы были в то же время самыми грубыми». Хомяков А. С. Там же. С. 137.

¹⁵ Там же. С. 137.

¹⁶ См.: Кучера С. Тянь // Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах. М., 1988. Т. 2. С. 541.

¹⁷ Хомяков А. С. Ук. соч. С. 141.

ников, обитавших севернее и северо-западнее Китая, – предков тюркских народностей, и примерно со II тыс. второго тысячелетия до н. э. проникло в Китай¹⁸.

Идея синкретизма и контаминации религиозных представлений в Древнем Китае, помогает Хомякову объяснить и еще один парадокс. Известно, что китайская религиозность имеет под собой глубинный культ змеи или дракона. Как же соотносятся между собой чистый «иранский» культ Неба и чистый «кушитский» культ дракона? Змей или дракон, отмечает Хомяков, должны обратить особое внимание историков на характер религиозного развития Восточной Азии, «начиная от Индустанских и Тибетских гор до Тихого океана». К сожалению, подчеркивает он, мы не имеем никаких данных насчет верований племен, населяющих южный и юго-западный Китай. Но нам известно с достоверностью, что у китайцев дракон есть символ высшей мудрости и силы. «Мифические их герои и полубоги весьма часто изображаются с туловищем, переходящем в форму змеиного хвоста, и даже с человеческими головами и змеиным телом: очевидно, что не буддизм ввел с собой такой странный вымысел; последний есть только реформа или возобновление старого, почти забытого учения»¹⁹. Упоминание буддизма, который Хомяков считает синкретичной религией с доминантной кушитской стихией²⁰, отнюдь не случайно. Это позволяет ему сделать предположение, что змеепоклонство имеет в Китае «эфиопские и абиссинские» корни, которые впоследствии обнаружились и в буддизме. Тем самым Хомяков дает весьма недвусмысленный ответ на вопрос о том, какой же характер носили верования племен, населяющих Южный и Юго-Западный Китай.

Таким образом, Хомяков считает, что на первой ступени развития древнекитайская религиозность складывается на основании законов синкретизма как единство двух религиозных идей (культов), имеющих разные племенные, культурные и духовные корни, однако не вступающих в открытую вражду.

2) На второй ступени, связанной с реформой Лао-цзы, Небо как объект поклонения, было переосмыслено в понятии Дао, как нравственный закон всего сущего. Согласно Хомякову, это ознаменовало победу и прояснение истинного смысла китайского панотеизма. «Иранское» поклонение Небу оказалось выше «кушитского» поклонения змее. «Слово Тианг, – пишет Хомяков, – или небо как сила, параллельная силе земли, менее ясно высказывает внутреннее убеждение древнего китайца до появления учения Лао-тсеу, или поклонения чистому разуму (Тао). Но смысл Тианг (неба) определяется нравственным направлением всех его предполагаемых действий, постоянною подчиненностью земли, святостью высокого человеческого служения и особенно легкостью перехода от Тианга к Тао, которой более носит характер пояснения старой идеи Тианг, чем нововведенного понятия»²¹.

3) Однако, нравственное понимание закона Неба как пути добродетели привело, по мысли Хомякова, к этизации и вырождению древнекитайской религиозности, что выразилось в этико-политической реформе конфуцианства, которую Хомяков характеризует как «атеистическое учение великого Конг-фу-тсеу». В данном случае точка зрения Хомякова во многом совпадает с выводами современных синологов о мнимой религиозности конфуцианства. Например, по мнению, Е.А. Торчинова, конфуцианство не является религией и представляет собой своеобразное этико-политическое учение²².

В своем труде Хомяков дает развернутую характеристику конфуцианства, указывая в качестве главных «нерелигиозных» признаков этого учения следующие:

- одобренное законами равнодушные ко всякому религиозному чувству и духовному представлению Высшего начала;
- желание осуществить в государстве полное и гармоничное изображение видимого и разумного мира;
- строгая формальность, закованная в логические законы и враждебная всякой свободе²³.

¹⁸ См.: Кучера С. Там же. С. 541.

¹⁹ Хомяков А. С. Ук. соч. С. 192.

²⁰ См. нашу статью: Михайлюкова Н. Н. Особенности интерпретации восточных религий в ирано-кушитской концепции Хомякова // Третьи Торчиновские Чтения. Религиоведение и востоковедение. Материалы научной конференции. СПб., 15 – 18 февраля 2006. СПб., 2006. С. 71 – 75.

²¹ Хомяков А. С. Ук. соч. С. 138.

²² См.: Торчинов Е.А. Религии мира: Опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. СПб., 2005. С. 107.

²³ См.: Хомяков А. С. Ук. соч. С. 195.

Отрицая конфуцианство как религию, Хомяков, тем не менее, наделяет его чертами, присущими именно «кушитскому» типу религиозности. Это и «угнетение всякого свободного порыва», и «холодная сухость форм», и «упрямое почтение к преданию», и «бедность поэзии», и «изуродование души человеческой и возвеличивание общественной жизни» и т. д.²⁴. Впрочем, это не парадокс и не противоречие, так как, по мысли Хомякова, безличный пантеизм кушитства всегда вырождается в атеизм и философию.

Характерно, что Хомяков нигде напрямую не определяет конфуцианство как разновидность «кушитства». Однако он считает его той почвой, на которой и стало возможно произрастание в Китае буддизма. При этом Хомяков рассматривает китайский буддизм как шаг в сторону «иранства», поскольку в нем сохраняется элемент «поклонения духовному началу», отсутствующий в конфуцианстве.

Список литературы

1. Хомяков А.С. Сочинения в двух томах. Том 1. Работы по историософии. – М, 1994. С. 200.
2. Д Альвейдер Сент-Ив, Генон Р. Оракулы Великой Тайны. Между Шамбалой и Агартой. – М., 2005.
3. Торчинов Е.А. Религии мира: Опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. – 4-е изд. СПб., 2005.
4. Иакинф Бичурин. Статистическое описание Китайской империи. СПб., 1842.
5. Иакинф Бичурин. Китай в гражданском и нравственном состоянии. Ч. I. СПб. 1848.
6. Кошелев В. А. Парадоксы Хомякова // Хомяков А.С. Сочинения в двух томах. Т. I. Работы по историософии. М., 1994. С. 14.
7. Кучера С. Тянь // Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах. М., 1988. Т. 2.
8. Михайлюкова Н.Н. Особенности интерпретации восточных религий в ирано-кушитской концепции Хомякова // Третьи Торчиновские Чтения. Религиоведение и востоковедение. Материалы научной конференции. СПб, 15 – 18 февраля 2006. СПб., 2006.

THE METHODOLOGICAL RESEARCH OF THE ANCIENT RELIGION IN "SEMIRAMIDA" BY A.S. KHOMYAKOV (ON THE BASIS OF ANCIENT CHINESE RELIGION)

The report covers the original A. Khomyakov's view of the origin and the essence of the oriental religions. In his historiosophic conception Khomyakov develops the distinctive typology of religions, based on the two cultural and ethnic principles: «Iranity» and «Kushity», which are characterized by the ideas of moral freedom and natural necessity respectively. The important thing is that Khomyakov treats the religions of India and China as «Kushity» type. The only exception is the old-age «vedic» religion – Brahmanism. At the same time Khomyakov considers the development of the religions as constant struggle and interrelation of the elements of the «Iranity» and «Kushity». Buddhism is explained by Khomyakov in the most original way. It seems paradoxical, that Buddhism, being a spiritual and moral religion, is depicted by Khomyakov as a typical example of «Kushity». But Khomyakov in his conception writes about the two types of Buddhism: the «ancient» Buddhism («proto-Buddhism») and the reformed or Indian Buddhism. Khomyakov in this connection makes a strange hypothesis about the African origin of Buddhism. He also shows Buddhism and «Shivaism» as two sides of the formerly common African cult of some esoteric Egypt and Ethiopia religion. Despite the fact that, according to Khomyakov, Buddhism was the secret faith of the shivaist priests, the reform of Shakyamuni revealed the spirit of «Iranity», the return to the moral principles of the faith.

Key words: essence of the oriental religions, historiosophic conception, typology of religions, «Iranity», «Kushity», «Shivaism», Brahmanism, Buddhism.

N. N. Mikhaylyukova

*Tula State
L. Tolstoy Pedagogical
University*

²⁴ Там же. С. 196.